

веселая Англия и др.), а с другой стороны, «чужеродных» русскому лингвокультурному пространству, несмотря на отсутствие прямого названия инокультурного источника (*гомерический смех, асфальтовые джунгли* и др.). На наш взгляд, такие единицы можно объединить термином «**иннокультурная фразема**».

Литература

1. Березович Е.Л. О явлении лексической ксеномотивации // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 3-18
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко; СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б.А. Ларина. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.
3. Виноградов В.В. История слов / отв. ред. чл.-корр. РАН Н.Ю. Шведова. М.: Толк, 1994. – 1138 с.
4. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. / М.И.Михельсон. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1903 (или 1904). Т. 1. 779 с.
5. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. М.: Изд-во: [Локид-Пресс](#), 2005. 880 с.

М.С. Гутовская
Белорусский государственный университет

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ И ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

К фразеологизмам относят номинативно целостные обороты, имеющие структуру словосочетания и характеризующиеся относительной устойчивостью компонентного состава и воспроизводимостью.

Воспроизводимость, устойчивость и соотносимость по структуре со словосочетанием являются основными категориальными признаками фразеологизма, которые помогают отделить фразеологизм от других языковых единиц и определить границы фразеологии. Фразеологизмы существуют в языке и удерживаются в памяти человека как стабильные целостные номинативные единицы; в отличие от свободных словосочетаний, которые строятся непосредственно в речи, фразеологизмы воспроизводятся в речи в готовом виде.

Большинству фразеологизмов присуще постоянство компонентного состава, а также фиксированный порядок расположения компонентов и устойчивость их грамматической формы. Изменение этих параметров устойчивости может приводить к разрушению фразеологизма. Например, компоненты фразеологизма раскинуть умом нельзя заменить синонимичными или тематически близкими словами (нельзя сказать *раскинуть головой),

нельзя переставить местами компоненты во фразеологизме *кровь с молоком*, во фразеологизме *бить баклуши* нельзя заменить форму множественного числа *баклуши* формой единственного числа *баклушу*. В составе некоторых фразеологизмов имеются компоненты, вовсе не употребляемые вне этих фразеологизмов. Например, прилагательные *закадычный*, *заклятый*, *эзоповский* узуализированы в языке только как компоненты фразеологизмов *закадычный друг*, *заклятый враг*, *эзоповский язык*.

Критерий структурной эквивалентности словосочетанию позволяет отграничить фразеологизмы от слов, с одной стороны, а с другой – от устойчивых и воспроизводимых образований, по структуре представляющих собой предложения – пословицы (*тише едешь – дальше будешь*), поговорки (*вот тебе, бабушка, и юрьев день*), крылатые выражения (*Счастливые часов не наблюдают*) и т.п. Единицы фольклора (пословицы, поговорки) и фрагменты художественных текстов (крылатые выражения) выходят за границы фразеологии и за пределы языка в сферу дискурса.

Фразеологический фонд языка разнороден по составу. В нем могут быть выделены различные типы фразеологизмов на основании разнообразных факультативных (некатегориальных) признаков, таких, например, как идиоматичность и экспрессивность. Свойство идиоматичности состоит в невыводимости семантики фразеологизма из словарных значений его компонентов. Идиоматичность может быть полной (возникает в результате метафорического переосмысления словосочетания в целом: *пускать козла в огород*) и частичной (обуславливается переосмыслением отдельных компонентов фразеологизма: *золотые слова*). Идиомам противопоставляются неидиоматичные фразеологизмы, значение которых выводится из значения их компонентов: *держат речь перед кем-либо*.

Экспрессивность языковых единиц состоит в их выразительности. Экспрессивность фразеологических единиц может создаваться посредством образности семантически двуплановых фразеологизмов, актуализируемой столкновением прямого значения исходного свободного словосочетания и целостного переосмысленного значения фразеологизма (*садиться на мель* ‘попадать в крайне затруднительное положение’), возникать на основе каламбура (*кормить завтраками*), шутки (*дырка от бублика*), рифмы (*сами с усами*), строиться на игре антонимов (*ни богу свечка ни черту кочерга*), синонимов (*из огня да в полымя*) и т.п. Большинство экспрессивных фразеологизмов являются своего рода экспрессивными эквивалентами однословных наименований (ср. *водить за нос* – *обманывать*). У неэкспрессивных фразеологизмов номинативная функция преобладает над экспрессивной. Многие неэкспрессивные устойчивые сочетания называют реалии, для наименования которых в языке нет отдельных слов (*бабье лето*, *мертвый язык*, *железная дорога*).

Пестрый фразеологический состав языка также может быть классифицирован по другим основаниям: по грамматическим характеристикам

компонентного состава фразеологизмов, по соотношению фразеологизмов с определенными частями речи, по их происхождению и т.п.

**ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА
В ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ**

С.Б. Кураш

*Мозырский государственный
педагогический университет*

МЕТАФОРА КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ
СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОД ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Метафорология художественного творчества, и в первую очередь поэзии, количественно (по числу публикаций), пожалуй, самое разработанное направление науки о метафоре. Долгое время внимание к поэтической метафоре ограничивалось подходом к ней лишь как к изобразительно-выразительному средству, а непосредственно наблюдаемыми языковыми объектами при этом являлись метафорически переосмысленные лексемы, образные словосочетания, реже – предложения. С выходом на приоритетные позиции лингвистики текста, с разработкой вопросов текстообразования нарастает интерес к метафоре как к одному из конструктивных элементов текста, затем – как к способу организации текста в целом, наконец, как к глубинному «пусковому механизму» при порождении семиотически усложнённых форм речи, к числу которых, безусловно, относится и язык поэзии. В конце прошлого столетия на это, в частности, обратила внимание В.Н.Телия: «Остается только удивляться тому, что... метафора изучается эпизодически и скорее как стилистическое средство, нежели универсально-лингвокреативное. Очевидно, причина этого кроется в том, что механизмы метафорического процесса «скрыты», а лингвистика начала оперировать «глубинными» структурами только в последние десятилетия» [Телия 1990: 46].

Джордж Лакофф – один из основоположников такого подхода к метафоре – подчеркивает, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии, что наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути [Лакофф 1990].

Эту же мысль развивают современные исследователи метафоры, ср.: «Категория метафоричности представляет собой феномен, онтологически связанный с человеком и языком; она отражает взаимообусловленность мышления с особенностями языковой реализации. ... Категория метафоричности относится к одному из наиболее общих и фундаментальных по-